

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

На заимке

(Из сборника "Встречи". (Очерки и рассказы))

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0014
III.....	.0024
IV.....	.0033

На заимке

Солнце быстро спускалось над лесом, а Сиюльские ночи в горах без сумерек — как солнце сядет, так и сделается темно, точно какая-то неведомая рука задернет занавеску. Созера, которое обступили высокой рамой синеватые горы, потянуло холодной сыростью. В летние дни солнце садится быстро, и я ускорил шаги, чтобы засветло добраться до заимки «брата Ипполита». Издали за мной следил мой верный пес Орлик, не смевший подойти ближе, — он держался на почтительном расстоянии, потому что съел молоденького зайчонка и ожидал соответствующего наказания. Пес был вообще дрянной и лукавый, но что поделаешь, когда нет лучше. В моем ягдташе болтался один несчастный чирок — добыча целого охотничьего дня. Впрочем, надвигавшаяся темнота скроет все недочеты по части охотничьих трофеев.

На заимке «брата Ипполита» я бывал несколько раз; вот только спуститься под горку, взять по речке налево, и у самого устья будет заимка, но сейчас ее точно кто отодвинул.

Когда торопишься, всегда дорога кажется длиннее. Да и тропинка точно другая — какие-то камни, корни, ямы, точно кто-нибудь нарочно их подкладывал, чтобы затруднить доступ к заимке. Мне было не до красоты чудного летнего вечера, когда так хорошо пахнет свежей травой и оживляет спасительная прохлада. Томила к тому же страшная жажда, и все мечты сосредоточивались на том, чтобы напиться чаю на заимке у «брата Иполита». Он жил бобылем, и рассчитывать на молоко или квас было нельзя. Нет бабы, так уж какое тут молоко.

Когда мы подходили к заимке, было уже совсем темно, точно какая-то неведомая рука погасила последний свет. Перед заимкой на мысу, впрочем, ярко горел костер, придавая картине какой-то особенно уютный вид. Огонь нигде не производит такого впечатления, как именно в лесу, особенно ночью. Что-то такое уютное, жилое, говорящее о живом человеке и его труде. Я вполне понимаю, почему ветхий человек поклонялся огню, как божеству: если огонь и не божество, то в нем все-таки невольно чувствуется стихийная,

именно божественная, благодетельная сила. Без огня человек оставался бы до сих пор несчастным и жалким дикарем. Отнимите в одно прекрасное утро у людей огонь, и от всей нашей цивилизации останутся одни развалины.

Мои мысли были вспугнуты, как птицы, каким-то криком у огня. Ругались два голоса. Потом в освещенном костром кругу запрыгали две человеческие тени и послышался неистовый крик:

— Батюшки!.. карраул!.. Ой, батюшки!..

Человеческий крик в лесу, особенно ночью, производит впечатление чего-то особенно страшного и незащитного. Я побежал и почему-то на бегу уже заметил, что сейчас за костром стоит лошадь, понуро опустив голову и вяло отмахиваясь коротким, точно обгрызанным хвостом от комаров. Навстречу мне выбежала кудластая собака Найда и без лая приветливо замахала хвостом. Мой Орлик широкими прыжками пролетел к дравшимся и залился отчаянным лаем.

— А вот тебе угощенье!.. — слышался чей-то хриплый голос. — Будешь меня помнить...

А вот тебе еще на прибавку!..

— Батюшки, убили... Ой, смертынька!!!

Когда я подбежал к самому месту действия, представилась такая картина: на земле что-то корчилось и вопило благим матом, а на это что-то навалился «брат Ипполит» всем своим громадным телом и неистово бил кулаком.

— Что ты делаешь?! — крикнул я, хватая «брата Ипполита» за плечо.

Он удивленно повернул ко мне свое бородастое широкое лицо с какими-то детскими серыми глазами и не вдруг ответил:

— А вот за угощением человек пришел, ну, так я его и гово...

— Нехорошо драться, Ипполит. Оставь...

— Эх, один бы разок еще ударить... Можно?

— Нет, довольно.

Пока «брат Ипполит» размышлял, можно или нельзя ударить еще один разок, вопившее под ним что-то воепользовалось этим раздумьем и как-то вывернулось. Оказалось, что это был солдат, известный под кличкой Вилка. Он поднялся, встряхнулся, ощупал себя, сомневаясь в собственной целостности, оправил сбившиеся штаны и рубаху и проговорил

добродушным тоном, который совсем уж не соответствовал недавним отчаянным воплям:

— Ну и чертушка... ах ты, братец ты мой?! Думал, и не дыхану больше: чисто как жернов навалился. Ну и идол...

Удостоверившись, что руки, ноги, ребра и скулы целы, Виллок уже совсем добродушно прибавил:

— Ведь этак-то живого человека можно и убить... Вот так получил угощенье. В полной форме...

«Брат Ипполит» продолжал сидеть на земле, почесывал в затылке и смотрел на солдата улыбающимися добрыми глазами.

— Жив? — спросил он солдата.

— Маленько жив... Вот зачем под ребра бьешь, деревянный идол? Тоже в самое душевредное место норовит...

— А ты не плутуй...

— И не думал! Взбрело тебе в башку незнано что, вот и накинулся на человека медведь медведем...

— А люди-то что говорят? Даве на базаре вот как на смех меня подняли... Я еду на твоей лошади, а мне кричат: «Брат Аполит, по-

гляди-ка, у твоей новокупки хвост телята отжевали». Я поглядел — действительно, хвост тово... Потом опять кричат: «Брат Аполнт, гляди, лошадь-то кривая, одним глазом совсем не видит». Подбежали это к лошади, машут перед самым глазом рукой, а она хоть бы тебе моргнула. Опять кричат: «Это солдат Виллок из страженья лошадь привел отставную. Тебе на нее пенсию будут выдавать». Это как потвоему?

«Брат Ипполит», подогретый этими воспоминаниями, сделал попытку опять поймать вороватого солдата за шиворот, но тот ожидал это движение Ипполитова духа и не без ловкости увернулся. Потом Виллок подскочил к лошади, пнул ее ногой в живот и заговорил азартным гоном завязатого барышника:

— Это тебе не лошадь, Аполит? Не лошадь... а? Так какие же лошади, потвоему, бывают... а? Хвост? Хвост отрастет... Что касается глаза, так она одним-то глазом лучше тебя все увидит. Экая важность: один глаз не видит. Да другая с двумя-то глазами копыта ее не стоит. Ты бы как должен меня благодарить за нее, идол... Другой бы в ногах валялся.

В доказательство необыкновенных достоинств лошади, Виллок вскочил на нее верхом, сделал круг около костра и даже заставил стать на дыбы.

— Это не лошадь?! — кричал он. — Дракон, вот как надо сказать по-настоящему.

«Дракон» опять стоял под прикрытием едкой струи дыма, отгонявшей комаров, подогнув натруженные ноги и развесив уши по-свинячьи. Лошадь никуда не годилась по всем статьям.

— Ежели бы лошадь была с изъяном, так разве бы я смел к тебе на глаза показаться? — не унимался солдат, начиная увлекаться собственной ложью. — Да ведь я бы тебя за версту обошел... Так? А тут иду прямо в гости. Думаю, Аполит вот как поблагодарит... Неблагодарный ты человек, больше ничего. Вон рубашку на самом плече растерзал...

Эта нелепая сцена, от начала до конца, будет понятна только тогда, когда читатель узнает, что «брат Ипполит» слыл за «тронутого человека», у которого «не все дома». Очевидно, Виллок этим пользовался, сбывая свою кривую лошадь. Глядя на здоровенную фигу-

ру «брата Ипполита», как-то трудно было поверить, что это психически больной человек и даже не больной, а так, чего-то недоставало. Его все обманывали, пользуясь его простотой. Жил он на своей заимке на глухом берегу озера совершенно один. Заимками в Сибири называют именно такие участки земли, которые не входят в черту селенья, а стоят отдельно. В частности заимкой называется уже самое строенье. Большинство таких заимок имеет промысловое значение — салотопенные, мыловаренные, кожевенные заимки, в других случаях заимка является пчельником, рыбацкой стоянкой, фермой наконец. Заимка «брата Ипполита» имела именно это последнее значение, когда был еще жив старик отец и когда всем «руководствовал» младший брат Иван Павлыч, в противоположность Ипполиту худой и чахоточный, мрачный, с тяжелым взглядом темных, глубоко посаженных глаз. После смерти отца Иван Павлыч ушел с заимки, предоставив ее брату Ипполиту, а сам промышлял где-то на стороне какими-то темными делами. Время от времени он неожиданно появлялся на заимке и так же неожиданно

исчезал. Иван Павлыч как-то особенно любил своего тронутого брата и снабжал его всем необходимым. Эта семья в окрестностях пользовалась плохой славой, особенно покойный старик, который, по словам старожилов, промышлял в свое время разбоями по Сибирскому тракту, а под старость устроился на заимке. Младший сын Иван Павлыч пошел в отца, и только Ипполит вырос сам по себе и жил сам по себе. Ипполита знали только как брата Ивана Павлыча и поэтому называли «брат Ипполит», или попросту — Аполит.

Чтобы отвлечь внимание «брата Ипполита», я с особенной настойчивостью потребовал от него самовар.

— А я сейчас... — точно обрадовался он, направляясь к избе.

Заимка состояла из одной большой избы, вросшей в землю. За ней горбились крыши амбаров и сарая. Внутренний двор был темный, наглухо крытый тесом, как строятся на Урале раскольники. В сущности это была настоящая деревянная крепость, в которую попасть можно было только через крепкие шатровые ворота. Старик строился крепко, на сто лет. Рядом с избой шел огород, но грядки были запущены, — «брат Ипполит» не любил, видимо, заниматься этим делом.

С полдороги в избу «брат Ипполит» вернулся и тревожно спросил меня:

— А Найда лаяла на вас, барин?

— Кажется, нет. Хорошенько не помню...

— Это ихний песик лаял, — вмешался Виллок. — Твоя Найда, известно, немая... Значит, лишенная лая.

«Брат Ипполит» сердито посмотрел на солдата, плюнул и, повернувшись, зашагал к избе.

— Не любит... ха-ха! — заливался Виллок. — Это ему хуже всего, то есть эта самая Найда.

— Почему хуже?

— А не лает... Он ее щенком взял, выкормил, вот как ухаживал, а она и не лает. Ко всем ласкается, хвостом вертит, а своего настоящего собачьего дела не понимает ни сколько. Какой пес, ежели он не лает...

Переменив тон, Виллок проговорил жалобным тоном:

— А ведь он меня, дьявол, ловко обломал... Крыльцами не могу шевельнуть. Барин, нет ли у вас водочки... значит, натереться...

Когда я налил из фляжки походный стаканчик, солдат посмотрел его к свету, покачал головой и, вместо того чтобы натереться, — выпил.

— Оно вернее будет, — решил он, вытирая шершавые усы прямо рукой. — Значит, изнутри лучше достигнет...

По наружности Виллок был то, что называется мусорным мужичонкой. Он был весь ка-

кой-то нескладный — спина горбилась, лопатки выступали, шея гусиная, вся физиономия имела захватанный вид. Даже военная служба ничего не могла поделать. Впрочем, Виллок за малоспособностью к строю «отмаячил» свою солдатчину в денщиках, причем ругательски ругал офицеров из немцев. Сейчас он был не у дел, а шатался с места на место — то на заводской фабрике пристроится, то на золотых промыслах, то в городе шляется. Он не мог долго усидеть на одном месте и в конце концов, возвращался к себе домой — он был из одного завода с «братом Ипполитом».

— Порченный я человек, вот главная причина, — объяснял Виллок свое поведение. — Болони у меня повреждены, когда тащил орудию. Пушка-то медная, ну и надорвался.

— У тебя жена есть, Виллок?

— А то как же? Обыкновенно... Только она со мной не живет. В городе куфаркой служит. В гости к ней езжу... Так она, значит, неспособная жена. «Какой, говорит, ты муж, коли у тебя ни кола ни двора?» Сколько разов я ее принимался бить, ничего не понимает. Вот все равно, как Найда... Тоже солдат солдату

рознь. Другой в солдатах-то только и делал, что капусту караулил на солдатских огородах, а я под хивинца ходил. Как же, Хиву эту самую замиряли.

— Да ведь ты в денщиках был и в сражениях не участвовал?

— Это все одно... Хивинец-то во всех одинаково палил, еще в обозе-то похуже случилось. А что мы без воды муки приняли в песках — пить-то одинаково хочет и строевой солдат и денщик.

«Брат Ипполит» вынес самовар и принялся его «наставлять» с каким-то особенным вниманием. Горячие уголья он брал из костра прямо рукой, а потом наклонялся над самоваром и раздувал его до того, что лицо наливалось кровью и делалось красным, как сафьян.

— Ишь старается, — смеялся Виллок, раскуривая коротенькую трубочку. — А понятия-то и нет, как ставить самовар по-настоящему. Аполит, ты сверху-то сколько угодно дуй, все равно ничего не выйдет... Ты его дунь снизу, несообразный человек.

«Брат Ипполит» не обращал на эти замечания никакого внимания и продолжал свое де-

ло с прежним усердием.

Было уже совсем темно. В лесу стояла мертвая тишина, нарушаемая только изредка теми ночными звуками, происхождение которых трудно объяснить: может быть, всполохнулась ночная птица, может быть, треснул сухой сучок под ногой осторожного зверя. Близость озера чувствовалась по теплому влажному воздуху, который тянул от воды, да по мерному плеску сонной озерной волны, сосавшей илистый берег и заставлявшей шелестеть береговую поросль из ситников. Казалось, что дышит что-то такое большое-большое, как чудовище из детской сказки, и что ответно шепчутся прибрежные тальники и зеленая осока. Хорошо в такую темную ночь сидеть около огня и мечтать. Мысли тянутся в голове как-то особенно легко, без всякого принуждения, и чувствуешь, что отдыхаешь. В такие минуты мне всегда делается жаль людей, которым приходится проводить лето в городе, среди городской пыли и духоты. Ведь сколько наслаждения вот так просто посидеть в лесу ночью у огонька. Как-то и люди здесь кажутся другими — и проще, и добрее,

и естественнее. Мне, например, нравился и молчаливый «брат Ипполит» и бесшабашный солдат Вилок. Ведь они такие же люди, как и все.

— Аполит, а ведь Найда у тебя не будет лаять, — начал опять Вилок, когда «брат Ипполит» поставил около нас кипевший самовар.

— Ну тебя... — сумрачно ответил «брат Ипполит».

— Нет, серьезно... — не унимался Вилок. — Давай три цалковых — я живо выучу. Вот как будет заливаться...

— Оставь ты его, — уговаривал я солдата. — Видишь, что человеку неприятно, и пристаешь...

— Разе он что понимает?

— Все, конечно, понимает...

— А ежели он лишенный ума? То есть как есть ничего не понимает. Отец-то оставил какую им заимку: три лошади, две коровы, штук десять овец, свиньи, куры, гуси — полная чаша. А где теперь все добро? Было да сплыло... А все Аполит разорил. Кабы не Иван Павлыч, так ходил бы по базару с ручкой, даром что из себя вон какое дерево стоеросовое.

— А пчелы?

— Ну, пчелы — особь статья. Действительно, Аполит ведет их отменно. А опять есть своя причина: табаку он не курит, водки не пьет, баб терпеть ненавидит — вот пчела сама и ведется. Она уж чувствует, божья тваринка... Подойди-ка к ней человек, который не в аккурате, — только ее и видел.

Разговор принял странную форму. «Брат Ипполит» пил чай вместе с нами, а Виллок говорил о нем, как об отсутствовавшем. Мне делалось даже немного неловко, особенно когда «брат Ипполит» смотрел на нас своими добрыми, детскими, непонимающими глазами — с нами сидело только тело, а ум витал в неизвестной области. Иногда «брат Ипполит» начинал что-то бормотать, — люди, которые живут в одиночестве, усваивают привычку думать вслух.

— Ишь бормочет, точно тетерев, — возмущался Виллок. — А поди разбери его, что он бормочет... И удивительное это дело, отчего у него никакая скотина не педется. Ведь как он ухаживает за ней... Моет, чистит, кормит из рук, а скотина не держится. Аполит, петух-то

у тебя жив?

— В избе... — сумрачно ответил «брат Ипполит».

— Вот видите... Уж и греха только было с этим петухом! У Аполита оставалась после отца последняя коровенка, а у нас на заводе вдова живет, значит, Савишна. Ну, так, одним словом, вдова, непокрытое место, все одно, как огород без изгороди: кто пойдет мимо — тот и отщипнет. При муже-то справно жила, а тут все хозяйство нарушила. Остался у Савишны один петушок... И что бы, вы думали, придумала она? Взяла этого петушка да к Аполиту: «Давай, слышь, меняться на корову. К чему тебе, мужику, корову, а петух тебе часы будет петь...» Ха-ха! То-то дошла бабешка... Аполит-то возьми и променяй. Ей-богу, не вру... Вот спросите самого. Третий год петух с ним вместе в избе живет. И что только он с ним делает, Аполит, — мылом его даже мыл. А петух-то возьми да и захворай: с глазом у него что-то попритчилось. Так Аполит его на завод к доктору носил. Все померли со смеху, как он его на руках тащил, точно баба с младенцем.

«Брат Ипполит» продолжал молчать, точно Вилко рассказывает о ком-то постороннем.

— Ну что у тебя петух-то? — приставал Вилко.

— : Отстань... — мрачно отвечал «брат Ипполит», глядя на огонь.

Я с Вилком остался ночевать у костра. В избе у «брата Ипполита» был разведен настоящий клоповник. А спать на открытом воздухе своего рода удовольствие, хотя с озера и тянуло сыростью и холодком, заставлявшими кутаться. Под утро, когда на небе появились предрассветные отбелы, Орлик предупредительно заворчал. Вилко уже проснулся и шепнул:

— Барин, глядите, что Аполит выделывает...

Действительно, «брат Ипполит» вылезал из окна своей избы, свесив громадные босые ноги. Спустившись, он осторожно подкрался к воротам и постучал. В ответ послышался радостный визг Найды.

— Это он пса сердит... — шептал Вилко. — Да не потеха ли!..

Когда этот опыт не удался, «брат Ипполит»

обошел заимку огородом и скрылся. Где-то на задворках послышался собачий лай.

— Это он сам лает... — объяснил Виллок, задыхаясь от смеха. — Ах, Аполит, Аполит!.. Да не Аполит ли...

Найда так и не залаяла, несмотря даже на камень, которым Виллок запустил в ворота. «Брат Ипполит» залез в избу через окно, а Виллок хохотал, спрятав лицо в траве.

Рано утром я с «братом Ипполитом» направился на охоту за утками. Виллок спал у костра мертвым сном. Провожала нас одна Найда.

— Ты у меня смотри, — повторил ей несколько раз «брат Ипполит».

Найда виновато вертела хвостом и жалобно взвизгивала. Остававшийся на берегу Орлик неистово лаял и делал попытку броситься за нашей лодкой вплавь. Я не охотник до водяного спорта и решаюсь ехать в лодке только в таких крайних случаях, как охота. Дело в том, что в разные сроки мне приходилось три раза тонуть, и на этом основании я питаю органическое недоверие к коварной водяной стихии. Впрочем, сейчас озеро было совершенно спокойно, еще не поднялся ночной туман. Маленькая душегубка, которая едва поднимала нас обоих, летела около камышей щукой. Там и сям срывались утки и благополучно исчезали, несмотря на мои выстрелы.

— Улетели... — добродушно повторял «брат

Ипполит» после каждого неудачного выстрела. — Ишь, тварь, тоже чувствует.

Мне не в первый раз приходилось ездить с ним на охоту, и «брат Ипполит» знал все, что нужно. Водяная птица кормится главным образом ночью, а днем прячется на «лавдах», как называют здесь плавучие островки из ситника и осоки. Между ними образуются узкие проходы, в которых неопытный человек может заблудиться. Рассказывают, что в таких проходах погиб не один охотник, понадевшийся на русское авось. Впрочем, «брат Ипполит» был в лавдах, как у себя дома, и наша утлая лодчонка смело пробиралась в самой гуще высоких зеленых зарослей.

Мы часа два плавали по зеленым живым коридорам, где ситник поднимался почти на сажень. Стоя в лодке на ногах, трудно было рассмотреть что-нибудь.

— Смотри, чтобы на озере не поднялась волна, — предупреждал я.

— Зачем ей подниматься? — спокойно отвечал «брат Ипполит», поглядывая на совершенно чистое летнее небо.

Утро было великолепное. Опасность могла

показаться только из-за синевшей на западе гряды лесистых гор, откуда дождевые облака точно скатывались на благословенные равнины Зауралья. Вода в озере была совершенно прозрачна, так что на глубине трех сажен можно было отчетливо рассмотреть каждый камешек и выстилавшие дно красивые водоросли. Там и сям видно было, как рыба ходила прямо руном.

— Ты много ловишь рыбы, Ипполит?

— Нет, мало...

— Почему?

— А дерутся...

— Кто?

— Арендатели... Когда покойный батюшка снимал заимку, так не выговорил себе рыбы. Озеро-то, значит, было ничье: кто хотел, тот и ловил. Ну, а после того оказалось, что оно башкирское... Ну, башкиры и сдают арендателям, а арендатели сторожей наставили. Вот я выйду ловить рыбу, заброшу мережку, а сторожа на меня. Ну, сейчас драка: они меня бьют, я их бью. Сколько мережек у меня разорвали сторожа... Главное, сижу у самой рыбы, хоть ложкой ее черпай, а нельзя. К мировому

сколько раз меня таскали... И чего, подумаешь, жалеют: не стало им рыбы в озере... Не бойсь, на всех хватит и от нас еще останется. Вон зимние тони бывают тыщи по три пудов.

Зауральские озера славятся баснословными рыбными богатствами, что объясняется присутствием в этих озерах маленького рачка «мормыша». Эта маленькая креветка — не больше обыкновенного таракана-прусака. Благодаря мормышу рыба в зауральских озерах растет в пять раз быстрее, чем в Волге. Конечно, тоню в три тысячи пудов немислимо вытащить на лед, никакой невод не выдержит. Ловля рыбы производится проще: неводом рыбу только окружают, а потом вычерпывают ее из прорубей. По словам известного ихтиолога Сабанеева, бывали тони по десяти тысяч пудов, причем не редкость ерши-фунтовики. По его словам, в озере Увильдах в семидесятых годах был пойман окунь в тридцать фунтов и щука в три пуда.

Солнце уже поднялось довольно высоко, когда я обратил внимание, что вода в лавдах начинает слегка волноваться, но «брат Ипполит» соблазнил заехать к одному озерному

«окну», где, по его словам, держались гуси. Но гусей мы не нашли, а к нам навстречу дружной стайкой выплыл целый утиный выводок — впереди плыла мать, точно классная дама, а за ней косяком растянулись утята. Инстинктивно я схватился за ружье, но «брат Ипполит» предупредил меня, хлопнув в ладоши, — весь выводок точно брызнул в ситники. Оставалась одна мать. Она держалась на выстрел, жертвуя собой, чтобы спасти детей.

— Ишь, тварь, ничего не боится, — удивлялся «брат Ипполит», любуясь материнским героизмом утки.

— Ну, теперь пора нам и домой, Ипполит...

— И то пора. А как ловко утята попрятались: ни в жисть не найти.

Желание полакомиться гусятиной стоило нам большой неприятности. Когда мы выбрались из лавд, по озеру уже ходили «беляки», и нашу душегубку начало качать, как грешную душу. Из-за гор незаметно выплыла тучка и гнала ветер. Возвращаться тем же путем, около лавд, было немислимо — в случае, если бы опрокинуло лодку, о спасении нечего было бы и думать. Ничего не оставалось, как плыть

прямо по озеру, выгадывая, чтобы волна была в корму. «Брат Ипполит» не выказывал и тени беспокойства, а я трусил и, прежде чем пуститься в этот опасный переезд по разгулявшемуся озеру, разделся — все-таки можно было в счастливом случае спастись, ухватившись за лодку. Наш переезд продолжался не больше часа, но такие вещи не забываются. Говоря откровенно, я страшно трусил, когда набегал страшный девятый вал и лодка зарывалась в волнах. Так сердце и замрет... Запасу у лодки было всего вершка два, и нас могло погубить каждое неловкое движение. Но «брат Ипполит» мастерски правил своим двухперым веслом, и мы благополучно причалили к устью, на котором стояла заимка. Я дал себе слово никогда больше не ездить на таких проклятых душегубках и даже не мог прикоснуться к убитым уткам, из которых «брат Ипполит» приготовил похлебку.

Солдата на заимке уже не было. Оставались одни собаки, да бродил в одиночестве кривой петух, обреченный на монашество. В наше отсутствие солдат успел напиться чаю, съел весь хлеб и как ни в чем не бывало

ушел. После него осталась только яичная скорлупа да корочка черствого хлеба.

— Выкрал яйца у меня... — спокойно объяснил «брат Ипполит», рассматривая «кухонные остатки» после Вилка. — Этакой вороватый солдат...

Мне нравилось на заимке «брата Ипполита», и я остался до вечера, чтобы еще раз сходить на охоту. Да в жар и идти было трудно, а ночью я плохо спал и встал рано. Выбрав завесистую березу, я расположился под ней. Днем спать в тени как-то особенно хорошо, а тут еще с озера дул освежавший ветерок. С занятого мной пункта было видно все, что делалось на заимке. «Брат Ипполит» вообще отличался естественностью и был всегда одинаков. При людях он делал то же, что делал бы, вероятно, и один. Сейчас он вывел свою новопкупку, которая была заботливо поставлена на время жара в конюшню, несколько раз обошел ее кругом и рассматривал ее с таким вниманием, с каким, вероятно, ювелир не рассматривает редкой воды брильянт. Безмолвными свидетелями этого осмотра были Найда и кривой петух. Они ходили за хозяином и то-

же осматривали новокупку, как нового члена своей оригинальной семьи. Да, это была настоящая семья, таинственно связанная между собой невидимыми нитями. Я долго наблюдал эту живую картину, и мне казалось, что все они отлично понимают друг друга. Даже убогая новокупка точно хотела что-то сказать и шевелила губами. Может быть, она оправдывалась в собственной убогости или просила извинения. «Брат Ипполит» все ходил кругом и думал вслух:

— Ишь ты, какой одёр... Тебя бы башкирам на махан [1] продать. Да.

Несколько раз счастливый покупатель брал хвост новокупки в руки и рассматривал его с особенным вниманием... Очевидно, этот куцый хвост смущал его больше, чем все остальные недочеты по части лошадиной красоты.

— Ну и хвост... — удивлялся «брат Ипполит», обращаясь уже к петуху и Найде. — Разве такие хвосты бывают? Вон у иноходца какой был хвост — по земле тащился...

Петух заглядывал сбоку своим единственным оком на предъявленный хозяином хвост

новокупки и, по-видимому, был согласен с его мнением. Найда, наоборот, оставалась довольной и несколько раз делала попытку лизнуть новокупку прямо в губы.

В заключение этого экзамена «брат Ипполит» сел на новокупку верхом, отчаянно заболтал босыми ногами и погнал по тропинке в лес. Лошадь бежала скверной тряской рысью, и громадное тело «брата Ипполита» подпрыгивало на ее костлявой спине — вместе всадник и лошадь изображали что-то вроде громадной летучей мыши, когда «брат Ипполит» расставлял широко локти и ветер надувал его рубаху.

Страстная любовь к животным «брата Ипполита» служила самой трогательной иллюстрацией его общей тронутости. Если в обществе других нормальных людей он казался чужим, то среди своих любимых животных являлся своим. Ведь между психологией человека и животного есть своя таинственная связь.

IV

Меня разбудил громкий спор. Солнце так и палило, так что больно было смотреть. На самом припеке сидели «брат Ипполит» и солдат Виллок и ругались. Солдат был навеселе и размахивал бутылкой водки.

— Нет, за что ты меня вчера хотел убить? — повторял Виллок с навязчивостью пьяного человека.

— И надо было убить, — спокойно отвечал «брат Ипполит». — Вперед не плутуй... Омманул ты меня кругом...

— А у тебя-то свои глаза в соседях были? Дураков учат и плакать не велят... Не иголку покупал. Ежели бы не барин, так задушил бы ты меня, Аполит...

— И задушил бы, — спокойно соглашался «брат Ипполит».

Солдата больше всего возмущал именно этот спокойный тон, и он начинал все сильнее придирается.

— Нет, ежели ты правильный человек, так ты должен просить у меня прощенья... да... Да еще за бесчестье полштоф выставить: «На,

солдат, выпей...» Вот как должен поступать правильный человек. Я не могу вон крыльцами [2] шевельнуть. Ежели бы я на тебя, на-примерно, навалился и учал тебя, на-примерно, душить — ну, что бы ты мне сказал? Обор-мот ты, вот что. Вон он, барин-от, он все ви-дел. Да... Будь я жиденский да хворый — тут бы мне и конец.

— Что ты пристал, как осенняя муха? — на-чал, злиться «брат Ипполит».

— А ты что? Да ты не толкайся... Я ведь и сам сдачи дам... Простоват я на это...

Завязалась бы, вероятно, опять самая отча-янная драка. Как все тронутые люди, «брат Ипполит» терпел долго, а потом вдруг прихо-дил в бешенство. Он уже схватил солдата сво-ей могучей рукой за шиворот и свалил его на траву, когда я вмешался.

— Оставьте его, Ипполит. Не стоит связы-ваться с пьяным человеком...

Бледный от бешенства, «брат Ипполит» смотрел на меня не понимающими ничего глазами, продолжая держать отчаянно барах-тавшегося солдата.

— Ой, батюшки, убили! — вопил солдат. —

Ой, смертынька...

Мне с большим трудом удалось отцепить «брата Ипполита» от его жертвы. Он тяжело дышал и дрожал, как в лихорадке.

— А тебе как не стыдно приставать? — заметил я Вилку, вскочившему на ноги. — Сам виноват...

— Я же и виноват?! — обозлился Вилкок уже на меня. — Да я... Ах, боже мой, и что бы я только, кажется, с ним сделал, ежели бы вы не помешали! Разорвал бы на три части... Простоват я на этот счет. Вот бы как изувачил...

— Ну, хорошо, хорошо. Будет...

— Слава богу, вполне можем соответствовать.

«Брат Ипполит» на этот раз долго не мог успокоиться и все порывался схватить солдата.

— Вот вы меня пьяным обозвали, — приставал Вилкок уже ко мне, пошатываясь на ногах. — Да... А я, может, потрезвее всех буду.

— Оно и заметно.

— Это у меня в натуре ошибка, барин. Ежели бы вас отдать в военную службу да заста-

вить по пескам тащить орудию... А что он понимает, Аполит? Так, бормочет только себе под нос, как глухарь, а настоящего-то понятия и нет в ем...

— Однако вот понял, что ты его обманул.

— Я? Обманул? Да вот сейчас провалиться... с места не сойти... А вы: обманул. Деньги были нужны, а то бы такую лошадь ни в жисть бы не продал. Вот и вся причина. Угодница, а не лошадь.

— Чего тут не понимать-то? — заговорил «брат Ипполит», успокоившись. — Даже очень хорошо понимаю... Вот у меня был иноходец, вот это лошадь. Как пойдет чесать — земля бежит из-под ног. За мной, как собака, ходила по лесу. Бывало, уеду на завод, сниму узду и только скажу: «На заимку!» Он уж знает... Все только дивятся, как я без узды на нем гоню.

— Знаю, видал, — согласился солдат. — Только было да сплыло. Где он твой иноходец?

— А подход. Мышки его задушили в жар. Я и коновала приводил, кровь ему отворяли — так и подход.

— Вот то-то. Куда тебе хорошей лошастью владать... Скотина тоже к рукам. Да и не ты его покупал, иноходца.

— Братец, Иван Павлыч, в степи его купил.

— Иван-то Павлыч уж купит, без денег купит... И опять вот ты сказал: в степи. Это опять особь статья. Разе степную лошадь можно применить к нашей?

— Такая же.

— Такая да не совсем. Вот и выходит, что понятия в тебе нет, настоящего понятия. Глядеть — оно, пожалуй, и все одно, а на деле-то и разница вон какая.

— Ну-ка, скажи, какая разница?

— И скажу! Думаешь: не скажу? Изволь, сколько угодно. У степной лошади бабки высокие — вот тебе раз, ребро круглое — два, плечо прямое — три, мослы — хоть шапки вешай.

Вилочек отпил водки прямо из горлышка, крякнул и продолжал:

— Случай был, когда мы хивинца замиряли. Известно, степь, песок. Жарынь такая, что кожа лопалась на лице. Ну, начальник отряда у нас был немец... как его фамилия... Немец-

кая фамилия: Гниль... Гиль... А черт его знает; язык переломится выговорить. Солдаты так его и называли: «Гниль да в шубе». Ей-богу, такая фамилия...

— Гильденштубе?.. — попробовал я догадаться.

— Вот-вот, около этого самого. Вот этот самый Гниль-да-в-шубе и повел нас на пересечку, значит, соединяться с генералом Кауфманом. Ну и завел нас немец в такие пески, что ложись и помирай. Верблюды попадали, а мы на руках должны полевую орудю тащить. Песок, бурханы — этакie пригорки, топи из песку, моченьки нашей нет, а Гниль-да-в-шубе нас все вперед погоняет. Главное, что вода у нас вся вышла, а жажда вот так и томит. Кажется, за бутылку воды кожу бы с себя снял. Хорошо. Таким манером, значит, мы промаялись целых два дня... Которые были русские офицера — тоже начали сумлеваться. Один солдатик, Кирюхин, в песельниках он был, говорил, что мы очень влево забрали, а надо совершенно, значит, наоборот. Ну, известно, простой солдатик, немец-то ему же погрозил, зачем, мол, народ сомущаешь. А тут ослабев-

шие явились: идет-идет солдатик и свалится. И его тоже, значит, тащи, потому не бросать же в степи. А Гниль-да-в-шубе все нас ведет налево и довел он до того, что всем у смерти конец. Известно, немец. И что же, братец ты мой, думаешь, кажется, еще бы версты с две по пескам пройти, все бы сдохли. Ей-богу... Никакого терпения не стало. Только этот-то солдатик Кирюхин как крикнет: «Братцы, лошадь...» Где лошадь? Как она в такие пески забралась одна? Офицерия в трубку посмотре-ли — действительно, лошадь, да еще на трех ногах. Левую переднюю ножку ей пулей прошибло, ну, значит, хивинец ее и бросил в степи, и она себе одна ковыляет. Смотрим, лошадь-то направо идет, как и говорил Кирюхин. Пойдет-пойдет и остановится передохнуть. А куда ей в степи-то идти, значит, к воде маячит, потому коли лошадь степная и чует воду. И, действительно, как сказал Кирюхин, так и вышло: вывела нас лошадка прямо к колодцу. Тут мы и ожили. На твоего иноходца лошадка-то походила: так, гнеденькая, грива на левую сторону. Весь отряд спасла... Вот она какая бывает эта самая степная лошадь! По-

сле, солдатики рассказывали, государь очень благодарил нашего Гниль-да-в-шубе и орден ему дал: «Я, грит, на тебя надеюсь вполне, Гниль-да-в-шубе». А все и дело-то в лошадке было... Известно, где государю все знать. Немец-то, конечно, промолчал о лошади...

Закончив рассказ, Вилоч с каким-то ожесточением допил остававшуюся в бутылке водку.

«Брат Исполит» был растроган этим рассказом до глубины души и, свесив голову как-то набок, повторял с блаженной улыбкой:

— Лошадь-то, а? Вот так лошадка... Тоже, скажешь, ничего не понимает?

— Ну, вот опять вышел глупый человек! — рассердился Вилоч. — Как же лошадь стала бы жить, ежели бы она не понимала по своей части?

Через два года я был на заимке. Изба стояла заколоченная, и вся заимка представляла грустную картину разрушения. Меня сопровождал на охоту Вилоч, бывший по обыкновению навеселе.

— Шабаш!.. — проговорил он, поглядывая

на пустовавшую заимку.

— А где теперь «брат Ипполит»?

— А так, где день — где ночь. Как, значит, Ивана Павлыча убили в третьем годе, где-то в степи, ну, и ему со всех сторон, значит, вышла крышка. А тут еще арендатели стали теснить... Ну, и окончательно выжили. Рехнулся Аполит-то совсем... Ходит по базару со своим кривым петухом — может, помните? — показывает всем и говорит, что это часы. Слышь, и ночью ходят...

С этим грустным рассказом как-то совсем не вязалось ликующее летнее утро. Кругом было так хорошо. Все зелено, все жило, а с устья доносился веселый гул вечно волновавшегося горного озера.

Примечания

1

Махан — вареное лошадиное мясо (авт.).

[^^^]

Крыльца — лопатки (авт.).

[^^^]